

G.V. T s u l a y a. One episode of the life of Saint-George

In 1894 the legend «About Jesus Christ, prophet Ilija and Saint-George» had been published. The author analyses this source in connection with cultural traditions of Georgians.

© 1997 г., ЭО, № 6

Н.П. Л о б а ч е в а

К ИСТОРИИ СРЕДНЕАЗИАТСКОГО КОСТЮМА: КИРГИЗСКИЕ БЕЛДЕМЧИ

Известно, что в традиционном народном костюме сохраняются черты, несущие информацию о далеком прошлом народа, о его генетических корнях. В костюме народов среднеазиатско-казахстанского региона таких свидетельств немало. Мы рассмотрим здесь народы, объединенные, как теперь известно, кипчакским элементом в этногенезе. В их костюмном комплексе есть целый ряд экзотических видов одежды с богатой исторической традицией. На эту группу предметов костюма мы уже указывали¹. Это *саукеле* – свадебный головной убор невесты и праздничный молодежи, *кимешек* – деталь головного убора замужней женщины, *белдемчи* – поясная одежда замужней женщины, *онир*, *онирше* – вышитый нагрудник, вышитые нарукавники *женгсе* – в женском костюме. В мужском костюме – головной убор *тымак*, *тумок*, летняя шапка типа башлыка *кулепара*, войлочная или из ткани шапка *калпак*, распашная рубаха *жегде*, войлочная одежда *кебенек*, наборный пояс *кемер*, тамбурно-петельная вышивка по черно-красному фону и др.

Указанный набор предметов встречается в традиционных костюмах казахов, киргизов, каракалпаков, дештикипчакских узбеков, туркмен-чоудоров и ряда других народов (башкиры, ногайцы). В свое время данное обстоятельство привело автора к мнению, что наличие в костюмах некоторых современных народов комплекса одних и тех же элементов (не всегда в полном составе) может означать принадлежность их в прошлом костюму какого-то одного этнического образования, ставшего в процессе формирования перечисленных выше народов одной из составляющих их этногенеза и, таким образом, их культуры. Убедительным свидетельством этого является то, что все отмеченные элементы костюма в наше время, имея своеобразие у каждого народа, четко сохранили одни и те же функции, близкую терминологию, значительную общность во внешнем виде, покрое и оформлении, а также в материалах изготовления.

Каждый из перечисленных выше предметов костюма имеет свой исторический прототип, который, видимо, бытовал незадолго до завершающего этапа формирования названных народов в период позднего средневековья. Создателями отмеченного костюмного комплекса являлись, очевидно, средневековые кипчаки – общий и наиболее поздний этнический компонент их этногенеза (благодаря чему так четко сохранилось сходство ряда элементов костюма).

Углубленное рассмотрение каждого элемента костюма из приведенного перечня может привести к другим интересным выводам по проблемам этногенеза народов среднеазиатско-казахстанского региона и в который раз подтвердить мнение, что традиционная одежда, как, впрочем, и другие элементы материальной и духовной культуры, является существенным историко-этнографическим источником по этнической истории народов. Так, дальнейший анализ данных о свадебном головном уборе *саукеле* позволил соприкоснуться с более ранним этапом этнической истории назван-

Рис. 1. Киргизские белдемчи

ных народов и говорить об ираноязычном кочевническом скифо-сакском субстрате в их этногенезе. Опираясь на этнографические характеристики этого головного убора и сведения других источников, приходишь к выводу, что на ираноязычный кочевнический компонент в этногенезе современных казахов, киргизов, каракалпалков, дештикипчакских узбеков и ряда народов вне изучаемого региона (например, башкир) указывают древний изобразительный и археологический материал, сообщения древних авторов, современные этнографические и лингвистические свидетельства². Этот вывод, сделанный на основе изучения только головного убора, тем более значителен, что другие исторические источники приводят к таким же заключениям, относящимся к особенностям этногенеза названной группы народов.

В настоящей работе остановимся на другом элементе костюмного комплекса указанной группы народов, сохранившемся до середины XX в. в традиционном костюме киргизки, – поясной распашной одежде замужней женщины – белдемчи (рис. 1). В недалеком прошлом этот вид одежды был свойствен и костюму казашки.

Изучением киргизских белдемчи занимались в основном два исследователя – этнографы К.И. Антипина и Е.И. Махова³. Последняя, обобщив литературные, музейные и, главным образом, собственные полевые материалы, полученные при сплошном обследовании территории Киргизии (данные по одежде предназначались для задуманного, но не вышедшего «Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана»), четко выделила для картографирования два основных типа белдемчи и наметила их локализацию. О двух типах белдемчи говорит и К.И. Антипина, характеризуя каждый из них теми же признаками, что и Е.И. Махова, но ее сведения касаются только южных районов Киргизии. По их работам известно следующее.

Белдемчи – это набедренная одежда в виде юбки с разрезом спереди, надеваемая поверх платья, халата, камзола. Белдемчи подразделялись на повседневные и праздничные. Нарядные белдемчи изготавливались из черной блестящей ткани (*лампук*), из среднеазиатских пестрых шелков или полосатого *бекасаба*, из сукна, иногда домотканого, и украшались вышивкой. Повседневные были без вышивки. Зимние белдемчи жен чабанов, кочевывавших большую часть года на пастбищах, делали из овчин. В середине 50-х годов XX в. в будние дни этот вид одежды в селениях уже не носили, хотя во многих семьях еще хранились как дорогие реликвии нарядные, богато вышитые белдемчи. Их надевали с праздничным костюмом, отправляясь на свадьбу или в гости, во время перекочевок, а дома – в дни семейных праздников, принимая гостей. На пастбищах жены чабанов носили белдемчи повседневно.

Непременной частью белдемчи является широкий, длинный, превышающий охват

тали (14–18 см) пояс (*баш белдемчи*). Его обертывают вокруг талии и закрепляют спереди завязками или пуговицами. Другая его часть – юбка (*этек*) с разрезом спереди, стеганная на тонком слое шерсти или ваты. Именно юбка послужила основой для деления белдемчи на два типа. Белдемчи первого типа – широкие, спускающиеся ниже колен, их шили из нескольких чуть расклеванных книзу кусков ткани. «Юбка» пришивалась пышными сборами к широкому поясу, который обычно делали из тонкого войлока, обшивая той же тканью, что и сами белдемчи, или другой, чаще красной и черной, в том числе бархатом.

Пояс был на подкладке и выкраивался длиннее объема талии, так что один его конец заходил на другой, а полы почти сходились. Между верхом пояса и его подкладкой прокладывался и затем прострачивался слой шерсти. Сборы могли заменяться двумя глубокими складками. Такие белдемчи изображены на рисунке художника П.М. Кошарова – участника экспедиции П.П. Семенова-Тянь-Шанского в Киргизию. Его рисунок – наиболее ранний источник для изучения этого вида киргизской одежды (60-е годы XIX в.).

Большая часть зафиксированных белдемчи первого типа украшена вышивкой, которая либо шла широкой полосой в виде каймы по краю «юбки», либо покрывала сплошь всю поверхность и выполнялась разноцветным шелком с преобладанием красного и добавлением белого, зеленого, желтого и голубого цветов обычно тамбурным швом. Праздничные белдемчи шили из черного бархата. Между поясом и полотнищем «юбки» также для украшения вшивался ряд красно-белых мелких фестонов, а по подолу и полам белдемчи обшивались мехом выдры. Такие белдемчи обычно давали в приданое. Как говорят, дочь получала их от матери через год после свадьбы, когда приезжала впервые после замужества в дом родителей.

Первый тип белдемчи был распространен на большей части территории Киргизии: в Прииссыккулье, на Тянь-Шане, в Таласской долине и в Джалал-Абадской обл. По данным К.И. Антипиной, он бытовал в прошлом и на юго-востоке Ошской обл. (у племен адигине, мунгуш, монлодор). По ее данным, он типичен и для большинства других киргизских родоплеменных групп.

Белдемчи второго типа короче и уже первого и отличаются несходящимися спереди полами. «Юбка» из прямоугольных и клинообразных кусков прикреплена к поясу без сбор. Чаще всего для этого типа белдемчи употреблялся пестрый узбекский полушелк, иногда узорчатый бархат, а полы, подол и пояс украшали узкой полоской вышивки, выполненной швом *туура-сайма* (по данным Е.И. Маховой). К.И. Антипина отмечает, что вышивали только пояс и узкую полоску по краям «юбки» швами *ильме* и *ильмедос*, что в орнаментации, помимо вариаций завитков (*кайкалан*), наблюдается частое употребление солярного знака, характерного для украшения тканей монгольской и тибетской одежды, лирообразной фигуры, называемой *тай туюк*, и узора *токуздобо*. Белдемчи украшали также чередующимися полосами черного бархата и красного сукна. Иногда они целиком состояли из клиньев разного цвета. Белдемчи из бархата трех разных цветов зафиксированы Ю.А. Шибавой у памирских киргизов⁴. Второй тип был распространен у всех киргизов, относивших себя в прошлом к родоплеменному подразделению ичкилик. Они живут в большей части Ошской обл., на Восточном Памире, в Каратегине, в Андижанской обл. Узбекистана.

Итак, киргизские белдемчи – это поясная одежда замужней женщины (кстати, тюркское «бел» означает «поясница», «талия»). Надевали эту одежду обычно после появления первого ребенка, хотя дочь получала от матери белдемчи в первый приезд в родительский дом через год после свадьбы. Таким образом, кроме утилитарного значения (в условиях кочевого быта они защищали от холода во время езды верхом и не стесняли движений во время выполнения домашней работы на воздухе и в юрте) белдемчи несли и обрядовые функции, фиксируя переход женщины в другую социальную категорию.

Отметим, что у всех народов Средней Азии рождение первого ребенка ознаменовывалось также сменой головного убора. Так, у хорезмских узбеков обряд повязыва-

вания первого *лачека* (головной убор женщины) на молодую мать происходил на женском празднике *лаче-той* и сопровождался обрядовыми песнями и добрыми пожеланиями⁵. У киргизов эта церемония сместилась на другие сроки.

Белдемчи имели, видимо, и сакральное значение. При изготовлении их использовали слой шерсти или тонкий слой войлока. А шерсть и войлок у народов среднеазиатско-казахстанского региона несли сакральную функцию (использование этих материалов было важно и с точки зрения утепляющих свойств белдемчи), что ярко прослеживается в обрядности, в частности свадебной, казахов, киргизов, каракалпаков и т.д.⁶. Не лишено значения, видимо, и украшение белдемчи полоской меха выдры, которая присутствует и на свадебном головном уборе саукеле. Эта подробность, однако, требует специального рассмотрения.

О продолжительной истории белдемчи свидетельствует обряд захоронения киргизов. В женском саване кусок ткани, которым покрывают бедра умершей, называется «белдемчи».

Сведениями о казахской поясной одежде в виде распашной юбки мы обязаны казахским этнографам И.В. Захаровой и Р.Д. Ходжаевой. Они выявили достаточно много данных об этом элементе костюма и опубликовали их в солидном труде о казахской национальной одежде. При сборе материалов к «Историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана» эти сведения были дополнены⁷.

У казахов распашная юбка носила название *белдемше*, *белшалгыш*. Известна она была в Южном Казахстане, у племен Старшего жуза и племени конграт Среднего жуза, а также у восточных казахов Среднего жуза (в Семипалатинской, Павлодарской, Восточноказахстанской областях и горном Алтае). Казашки шили белдемше из плотной материи преимущественно яркого цвета. Пожилые женщины делали их из черной ткани с отдельно пришитым поясом в 8–9 см шириной. Для жесткости пояс шился на подкладке из кошмы или прострачивался частыми швами. Он имел тесемки или застежки для закрепления на талии. Длинной белдемше немного не доходили до подола платья, а по некоторым данным, закрывали его низ целиком.

Существовало два вида покроя белдемше: из косых полотнищ, расширяющихся книзу, и из прямых, собранных у пояса. Спереди полы не сходились. Этот элемент одежды, редкий уже в конце XIX в., в настоящее время почти не встречается и очень скудно представлен в музеях, поэтому невозможно определить все места его распространения. Большая часть сведений о нем получена из рассказов пожилых казахов.

Очевидно, в более отдаленное время, до середины XIX в., белдемше были обязательной частью одежды замужней женщины. Делались они из дешевой ткани для пользования в будние дни и нарядными – для праздников. Зимой женщины, особенно пожилые, носили их подбитыми овчиной или стегаными на шерсти. К концу XIX в. белдемше стали исчезать из быта и лишь в некоторых местах сохранялись как элемент праздничной одежды у казашек пожилого возраста.

Праздничные белдемше обшивались по краям мехом выдры, окаймлялись тканью другого цвета, рядами позумента, серебряных бляшек или монет. Наиболее распространена была вышивка вдоль разреза и по краю подола. Вышивали также нижние углы. В Южном Казахстане нередко вышивкой и серебром украшали и пояс белдемше. В Семиречье пояс не имел украшений, поверх него подвязывали кушак или кожаный пояс, отделанный серебром. В Семиречье женщина впервые надевала белдемше на небольшом семейном празднике, который устраивали для ближайших родственниц мужа и соседок по аулу. Характерно, что на этот той мужчины не допускались.

Были ли белдемше некогда известны всем казахам, а потом у ряда их групп (племен) исчезли, сказать трудно. Встречающиеся сообщения о белдемше кратки. Так, в Указателе русской этнографической выставки 1867 г. читаем (речь идет о восточной части Среднего жуза): «...Бильдемче (род юбки из полушелковой материи)»⁸.

У найманов и киреев Восточноказахстанской обл. белдемше были несколько иного

покроя и назначения. Они имели вид небольшого фартука, который надевали на спину пожилые казашки «для согревания поясницы». Белдемше шили на теплой подкладке и пришивали к поясу из той же ткани с застежкой или завязкой спереди. Этот вид одежды описан Г.Е. Катанаевым у казашки Семипалатинского уезда: «Фартук из джабаги крыт армячиной, носится сзади, ибо служит для прикрывания спины от простуды»⁹.

Пожилые казашки и сегодня вспоминают, что богатые женщины раньше шили белдемше из бархата или шелка, обрамляли их мехом выдры и позументом. На Алтае и в Павлодарской обл. некоторые казашки также помнят, что по размерам и по форме теплые праздничные и будничные белдемше были здесь такими же, как и на юге.

Подводя итог своему исследованию, казахские этнографы И.В. Захарова и Р.Д. Ходжаева отмечают, что белдемше (*белшалгыш*) широко бытовали также и у киргизов в тех же формах, что и у казахов: праздничные из бархата с украшениями и простые из овчины (у жен пастухов и старух). Схожи были и украшения праздничных белдемше. Другим народам Средней Азии подобная одежда неизвестна, но близка к ней одежда *корму широнголок* Санчуани, описанная Г.Н. Потаниным: «Она шьется из бязи коричневого цвета, к верхнему краю пришит белый ошкур, в 15 см шириной; сзади юбка имеет разрез во всю высоту ее..., полы запахиваются одна на другую сзади... Спереди от подола идет разрез... до середины высоты юбки. По подолу идет обшивка из черной дабы в 7 1/2 (семь с половиной) см шириной, которая идет и вдоль обоих разрезов»¹⁰.

Мы в свою очередь скажем, что описания киргизских и казахских белдемчи свидетельствуют о схожести их как по материалам изготовления и форме, так и по функциональному применению: они имели утилитарное и обрядовое значение (последнее зафиксировано семиреченским материалом).

К.И. Антипина предприняла попытку определить происхождение этой весьма специфической одежды. Она начала с вопроса о том, в традиционных костюмах каких народов встречается нечто подобное. Как ей удалось установить, одежда в виде распашной юбки существовала в прошлом у русских (*понева*), у народов Прибалтики, у украинцев, у румын и других народов. К.И. Антипина выяснила, что подобную одежду носят народы Юго-Восточной Азии, например, народность мяо. Ссылаясь на западноевропейских и отечественных авторов (Н.Н. Hansen, М.Е. Sykes, Р.Ф. Итс, К.К. Юдахин, Е.И. Махова, С.М. Абрамзон), К.И. Антипина отмечает, что у тибетских монголов одежда типа белдемчи и донныне сохраняется «в качестве праздничной и обрядовой», а в Монголии имеется несколько вариантов распашных юбок. Распашные юбки сохранялись в одежде монголо-китайских офицеров, они известны в костюме китайского воина периода династии Вей. Носили юбки китайские воины, бывшие в Восточном Туркестане. Упоминание белдемчи как боевой одежды имеется и в народном эпосе «Манас».

По заключению К.И. Антипиной, сравнение монголо-китайской и киргизской распашных юбок (сохранилась только в женском костюме) не говорит о полном тождестве их форм. Но общими для тех и других являются довольно широкий пояс, завязки, а также вышивки; глубокие складки в киргизских белдемчи, зафиксированные рисунком П.М. Кошарова, характерны и для монголо-китайских распашных юбок. Все это, как считает исследовательница, дает основание предположить, «что киргизская юбка "белдемчи" находится на одной линии развития с распашными юбками, бытовавшими у некоторых народов Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии»¹¹.

Приведенная формулировка неконкретна. В Восточной и Юго-Восточной Азии несшитые юбки (так чаще их называют), или распашные, были широко распространены как в женском, так и мужском костюмах у разных народов, в том числе у японцев и корейцев¹². У многих народов они достаточно примитивны, являясь, безусловно, реликтом архаических форм одежды из несшитых кусков ткани.

Такого же типа распашные юбки есть и в европейской части материка Евразии. Например, упоминавшаяся выше понева у русских, а также *плахта* у украинцев и *фотэ* у румын¹³. Женские распашные юбки народов западных и восточных регионов мира объединяет одна общая черта – эта одежда связана с возрастными градациями общества, во всяком случае, в женском костюме. Так, поневу у русских надевали прежде в ознаменование совершеннолетия девушки, с XIX столетия такая юбка стала признаком костюма замужней женщины¹⁴. У народа буи из китайских меньшинств девушка после 17 лет надевала кофту, несшитую юбку и фартук, являвшиеся женской одеждой¹⁵. У большинства восточноазиатских народов несшитая юбка включается в комплекс одежды замужней женщины, как, кстати, и киргизско-казахские белдемчи, которые надевались со вступлением женщины в разряд матерей.

Распашные юбки известны и промежуточным между западными и восточными регионами мира народам. Они являлись составной частью как женского, так и мужского костюмного комплекса в разные хронологические периоды. Распашная юбка отмечена у кавказских народов в составе военного костюма XVIII в.¹⁶. Нечто напоминающее белдемчи есть в костюме согдийских купцов-дароносцев, как считают исследователи, отправлявшихся к святыням Хотана. Они изображены в раннесредневековой настенной живописи храма 9 в Безеклике (Турфан)¹⁷. Среди восьми мужских фигур дароносцев шестеро представлены в красочной поясной одежде, надетой поверх кафтанов. «Юбочки» в пяти случаях фигурные (из нескольких фестонов), шестая – более длинная и прямая, держатся на талии неширокими поясами (в трех случаях значительно более длинными, чем объем талии). Пояса украшены, видимо, металлическими бляшками, имеют с каждой стороны ременные подвески, очевидно, для крепления необходимых аксессуаров. Все «юбочки» из одноцветной, преимущественно черной ткани (есть из красной и зеленой) с полосой отделки из ткани другого цвета (на черных юбках отделка красная, на красной – зеленая). Ткани кафтанов – другие по цвету, некоторые с рисунком.

Из более современных примеров можно отметить элемент женского костюма мордвы-эрзи под названием *пулагай*, *пулаки*, *пулау*¹⁸, напоминающий киргизские белдемчи, и др.

Из приведенного выше материала можно заключить следующее.

1. Распашные юбки были у многих народов как в женском, так и мужском комплексах.

2. В мужском комплексе распашные юбки часто дополняли костюм воина (в Китае, у кавказских народов), что подтверждается и киргизским эпосом «Манас». У монгольских народов, в частности у монголов (ту), бытует представление, что эти юбки, наряду с другими элементами костюма, служат свидетельством былой воинской доблести монгольских женщин. У них в праздничном костюме использовалась также юбка, по форме повторяющая распашной двойной передник китайского воина. Она была и частью погребального убора¹⁹.

3. Этот вид одежды, отмеченный у разных по языку, по типу хозяйства, по образу жизни и по уровню развития народов, претерпевал изменения. В кочевнической, как и в военной среде, связанной с верховой ездой, он приобрел, видимо, более совершенные формы.

4. К нашему времени встречавшиеся прежде и в мужском костюме распашные юбки являлись преимущественно элементами женского комплекса.

5. В женском костюме распашные юбки сохраняли определенные обрядовые черты, связанные с возрастными делениями общества, с периодом женщины-матери. В среднеазиатско-казахстанском регионе первое надевание их происходило на женском празднике. Этнографические материалы тибетских монголов тоже свидетельствуют об обрядовом значении распашной юбки и включают ее в праздничный костюм. Этот вид одежды был зафиксирован в 1940 г. Датской экспедицией у монгольского племени тумет²⁰. Собираемые в наше время по крупницам данные о распашных юбках свидетельствуют об изживании этого вида одежды.

В каждом регионе, у каждого народа распашные юбки имели свою историю, свою линию развития и конкретный исторический прототип. В поисках исторического прототипа белдемчи мы обратили внимание на высказывание Э.В. Доде, занимавшейся вопросами средневекового костюма народов Центрального Предкавказья, относительно костюма персонажей половецких каменных изваяний европейских степей. Она увидела в нем наличие распашных юбок и высказала плодотворную мысль о том, что половецкие утепляющие юбки засвидетельствованы этнографически в киргизском национальном costume²¹.

Прежде чем обратиться непосредственно к половецкому костюму, отраженному в средневековой каменной скульптуре европейских степей, нами была предпринята попытка отыскать прототип современных белдемчи киргизов и казахов – тюрских народов на азиатской территории – в костюмах персонажей каменных изваяний, относящихся к тюркскому времени на этой территории. Детальным изучением их занимались археологи. Пионером в области изучения костюма по каменным изваяниям следует назвать Л.А. Евтюхову, которая исследовала памятники Южной Сибири и Монголии, а также Алтая. Рассмотрением костюма персонажей каменных изваяний занимался А.Д. Грач. Он исследовал древнетюркские памятники Тувы. Я.А. Шер посвятил свою работу каменным изваяниям Семиречья. Г.А. Федоров-Давыдов, занимавшийся изучением кочевнического мира под властью золотоордынских ханов, костюму кочевников внимания не уделял.

Все персонажи каменной скульптуры изображены в канонических позах с сосудом на уровне груди в правой (подобные изображения преобладают) или в обеих руках. Рассматриваемые персонажи, безусловно, связаны с определенным культом. Не касаясь вопросов их семантики и различных мнений на этот счет, обратимся непосредственно к костюму. Как ни лаконично переданы особенности одежды персонажей каменной скульптуры, характерные ее черты древними художниками все-таки зафиксированы. И это несмотря на то что художники уделили больше внимания головному убору и прическе (по ним сразу можно было определить народ), а также обязательному поясу с различными аксессуарами. Археологи также уделили этим моментам больше внимания, разрабатывая в каждом случае для них типологические ряды.

Автор работы об изваяниях Тувы VII–IX вв. А.Д. Грач отметил, что при всей скупости черт одежды каменных изваяний по нагрудному вырезу можно определить, что на них изображена опоясанная на талии верхняя одежда с сужающимся к запястью рукавом и узким отворотом²². Три изваяния из Монгун-гайги свидетельствуют о наличии двусторонних широких лацканов на верхней одежде. На одном из изваяний лацканы имеют фигурные вырезы. По мнению А.Д. Грача, изображенные запахивали одежду справа налево (правая пола наверху) в отличие от тюрков-тугу, которые запахивали одежду на левую сторону. Пояса изображены с наборными бляшками и различными предметами, обычно носимыми у пояса, – это оружие (сабля и кинжал), на которое опирается левая рука, а также мешочки, нередко округлой формы, для ношения мелких вещей (кресал, огнива, трута, амулетов) – так называемые *каптаргаки*. Это слово, зафиксированное Вильгельмом Рубруком, бытует у алтайских охотников и сегодня в форме *каптарга*. Конкретно об одежде на основании этих памятников сказать больше нечего.

При описании одежды каменных изваяний Южной Сибири и Монголии, относящихся к VII–IX вв., Л.А. Евтюхова отметила два костюма, которые выделяются среди других примерно однородных костюмов²³. Один встречен на двух фигурах из Монголии. Исследовательница увидела в нем верхнюю одежду в виде мехового халата (по толстым складкам на сгибах рук) с широкими рукавами, из-под которых выступают более узкие от нижней одежды, и с широкими отворотами воротника. Халаты застегнуты на правую сторону и подпоясаны поясами. Эта одежда каменного изваяния, по словам Л.А. Евтюховой, очень похожа на одежду изваяния с могилы Кюль-Тегина. Одежда другого покроя представляет собой, видимо, кафтан с узкими рукавами с небольшими обшлагами и круглым воротом. Кафтаны опоясаны.

Среди разнообразных головных уборов особенно интересны шапочки, напоминающие современные шапки-ушанки, т.е. с небольшими затылочной и ушными лопастями, которые загнуты вверх и там скреплены (третий тип по классификации Л.А. Евтюховой)²⁴. Они очень напоминают головные уборы нынешних тувинцев-тоджинцев *кышкы берт* и *маактыг берт*. Это сходство отмечено и С.И. Вайнштейном²⁵. Головные уборы сходных конструкций имеют глубокую традицию и на среднеазиатско-казахстанской территории, о чем говорилось в одной из работ автора данной статьи²⁶.

В коллекции изваяний Л.А. Евтюховой есть сидящие фигуры. Одна в наброшенной на плечи одежде с узкими рукавами, другая в одежде с широким низом и складчатыми рукавами.

«Каменные бабы» Семиречья VI–XI вв., исследованные Я.А. Шером, также скупы в изображении одежды, однако в этой коллекции отмечаются некоторые варианты ее. Публикуемые Шером 145 изваяний встречены в Западном, Центральном, Восточном, Южном Казахстане, Семиречье, на Тянь-Шане²⁷. Они разделяются на несколько групп: по расположению сосуда (в одной или двух руках), по наличию оружия, по характеру одежды. Обратимся к двум группам изваяний, которые представляют, видимо, различные социальные слои населения. Одна из них, наиболее многочисленная, встречается почти во всех исследованных районах – это мужские изваяния с сосудом в правой руке, левая рука опирается на оружие, прикрепленное к поясу. Все изображенные мужчины – без головных уборов, видимо, в длинных одеждах с сужающимися к запястью рукавами и поясами (может быть, наборными) на талии. Кроме оружия к поясам прикреплены разные предметы. У многих фигур на одежде обозначены двусторонние отвороты (лацканы). На одной из фигур даже намечена линия полы от лацкана до подола. Рукав часто завершают браслеты. Эта группа памятников относится к наиболее ранним – к VI–VIII вв. – и несет, по мнению Я.А. Шера, черты скифской традиции.

Следует отметить, что в настенной живописи раннесредневековой Средней Азии широко зафиксированы одежды с односторонними или двусторонними лацканами. Особенно существенно то, что в длинных, видимо, широких и перепоясанных одеждах с двусторонними лацканами, с сужающимися к запястью рукавами изображены приближенные самаркандского царя из тюрков (живопись Афрасиаба²⁸).

На тяньшаньских изображениях, как правило, не в полный рост, есть персонажи в широких одеждах с двусторонними лацканами и с очень широкими рукавами. Пояса отсутствуют даже при обычной одежде (облегающей с узким рукавом). Одна фигура изображена в плечевой накидке. Нижняя одежда также имеет широкие рукава. На шее – гривна и ожерелье с амулетом, на руках – браслеты, в ушах – серьги.

Я.А. Шер полагает, что изображенные мужчины в облегающей одежде с узким рукавом и с оружием на поясе относятся к военной тюркской знати. Персонажи в одежде с широкими рукавами, без оружия и без пояса представляют собой чиновную знать²⁹.

В среднеазиатском регионе пояс играл большую роль. По сведениям автора X в. Наршахи, в доарабское время юноши из знатных семей являлись к правительнице Бухары в одежде с золотыми поясами³⁰. Как замечает О.А. Сухарева, на средневековых миниатюрах³¹ опоясанными изображаются воины и служители, а халаты правителя и духовных лиц свободно распушены³². В связи с этим, быть может, в персонажах изваяний Семиречья в одеждах без опоясывания и без оружия следует видеть не чиновную знать, а служителей культа.

Из приведенного материала следует, что поиск исторического прототипа киргизско-казахских белдемчи в костюме древнетюркских изваяний не дал результатов. На древнетюркских изваяниях Монголии, Южной Сибири и Туркестана не встречается поясной одежды и ни на одном из них не отмечено детальной проработки одежды ниже пояса.

С иной картиной мы сталкиваемся при изучении каменной скульптуры европейских

степеней XI – первой половины XIII в., которой посвящен фундаментальный труд С.А. Плетневой³³. В нем опубликовано более 300 изображений каменных изваяний. В этих изваяниях исследователь видит отражение культа предков-вождей, сложившегося на основе семейно-родового культа предков³⁴. Г.А. Федоров-Давыдов выдвинул гипотезу, что в западнокипчакских степях каменные статуи становились объектом общеплеменного или межродового культа обоженного предка или богини³⁵ в противоположность раннетюркским каменным изваяниям Центральной Азии, которые были предметом почитания конкретных умерших предков³⁶. Подобные представления отразились, по мнению Федорова-Давыдова, на художественной выразительности данных памятников.

Среди половецких памятников есть изображения как мужчин, так и женщин, представленных в канонических позах с сосудом в обеих руках на уровне живота. Одни персонажи стоят, другие сидят. В противоположность Г.А. Федорову-Давыдову, полагающему, что между «стоящими» и «сидящими» статуями существует лишь хронологическая разница (сидящие – более поздние)³⁷, С.А. Плетнева видит в этом социальные различия, хотя и соглашается с тем, что сидящие фигуры появились позднее. По ее мнению, стоящие фигуры изображают представителей военной аристократии, среди которых немало и женщин, очевидно, жен военной знати (рис. 2). Сидящие фигуры относятся к другому социальному слою – чиновной знати, главам богатых семей, входящих в род. Их главная функция – хозяйственная. Здесь тоже есть женщины, по-видимому, это жены богачей – хозяйки-домоправительницы³⁸. И те, и другие составляли верхушку половецкого общества.

С.А. Плетнева достаточно подробно рассматривает костюм половецких изваяний: разбирает головные уборы, прически, аксессуары на поясах, обращает внимание на отделку, оформление ворота одежды, останавливается на украшениях. Но сама одежда ею рассмотрена менее внимательно. Одежда половецких воинов, по мнению исследовательницы, состоит из длиннополых (почти до колен) облегающих тело кафтанов, штанов и сапог. Она допускает, что под кафтаном носили длинную исподнюю рубаху, а иногда рубаху надевали без верхней одежды. Одежда половецких женщин, констатирует С.А. Плетнева, почти не отличалась от мужской – это те же кафтаны, поножи и сапоги³⁹.

Ознакомившись с приведенным выше описанием костюма, можно сделать вывод, что основные отличия в мужском и женском комплексах заключались в головных уборах, предметах на поясах, украшениях, а также прическах. Вместе с тем, как нам кажется, не все детали костюма половецких персонажей были замечены.

Среди половецких каменных изваяний есть много сохранившихся целиком и изображающих персонажей во весь рост. В этой серии памятников отчетливо отработаны не только верхняя часть фигуры, но и нижняя, и встречается несколько вариантов одежды.

Начнем с мужских фигур, в которых С.А. Плетнева не без оснований видит воинов. Мужчины узнаваемы по самим фигурам, по головному убору (шлемы), прическе (косы), оружию на поясе, ремням с бляхами на груди (видимо, защитное средство), оформлению ворота верхней одежды (у женщин закрыт украшениями). Большинство фигур воинов представлено в облегающей одежде с круглым по шее или с небольшим треугольным вырезом воротом и сужающимся у запястья рукавом, иногда с нешироким отверстием. На предплечье можно видеть украшение (предположительно, вышивкой). Одежда перепоясана.

Отсутствие каких-либо вертикальных линий посередине груди на этой одежде может свидетельствовать лишь о том, что это нераспашная одежда (возможно, рубаха). Одновременно ниже пояса на этих же фигурах изображены якобы расходящиеся полы кафтана, как восприняла это С.А. Плетнева, часто очерченные несколькими линиями или рисунком по краям. На некоторых изваяниях виден подол рубахи. Мы встречаемся здесь, безусловно, с поясной распашной одеждой – распашной юбкой, держащейся на поясе, которым обязательно перепоясана одежда. Обычно «юбки» по

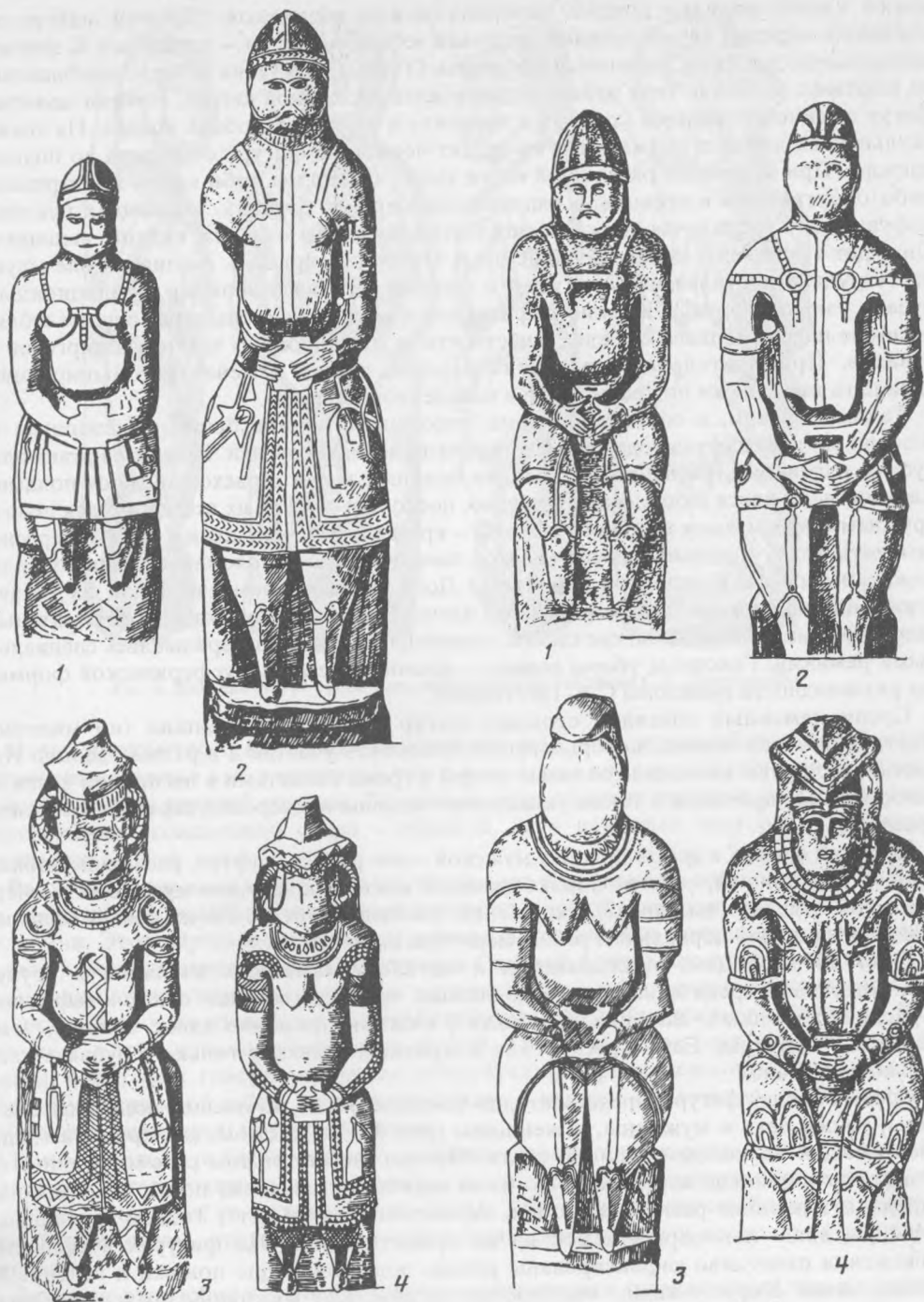

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 2. Одежда военной знати (прорисовка по таблицам из: *Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. М., 1974*). 1 – мужчина в рубахе и распашной юбке, 2 – мужчина в кафтане и распашной юбке, 3 – женщина в кафтане и распашной юбке, 4 – женщина в рубахе и распашной юбке

Рис. 3. Одежда чиновной знати (прорисовка по таблицам С.А. Плетневой). 1 – мужчина в рубахе, 2 – мужчина в кафтане, 3 – женщина в рубахе, 4 – женщина в кафтане

краям имеют отделку другим материалом или вышивкой. (Другой материал, очевидно, передан двумя линиями по краям юбки, вышивка – штрихом.) К поясам прикреплено оружие и различные предметы. О том, что в таких случаях изображены не кафтаны, а одежда типа рубахи, дополненная распашной юбкой, говорит наличие фигур именно в кафтанах (хотя их и немного) и в поясных юбках поверх. На таких скульптурах линия полы кафтана проходит через всю фигуру от ворота до подола одежды. При этом края распашной юбки также отмечены либо каким-то штрихом, либо очертаниями в несколько рядов, передающими отделку. На концах рукавов кафтанов и у предплечья также может быть проложена отделка, видимо, вышивка. Она идет и по плечу, и по всей длине руки. Обычай покрывать вышивкой плечевую часть рубахи и рукава известен (как и швы) и сегодня (например, традиционные рубахи у мордвы-эрзи⁴⁰). Из этнографической практики известны и распашные юбки, носимые поверх верхней одежды, в частности, в традиционных костюмах киргизов и казахов. Примечательно, что у этих народов также отмечается обыкновение украшать такие юбки по краям, как и в половецком костюме.

Таким образом, в составе костюма половецких воинов были нераспашные и распашные типа кафтана одежды. Под кафтанами видны рубахи. Поверх кафтана или рубахи надевались распашные юбки, по большей части с расходящимися полами. Какими были пояса юбок, сказать трудно, поскольку поверх их всегда имелся пояс с оружием и предметами мужского обихода – кресала, сумочки, ножи и т.д. (Интересно заметить, что у отдельных групп казахов пояс белдемше опоясывался кушаком или кожаным поясом с отделкой серебром.) Дополняли костюм две бляхи на груди, державшиеся, очевидно, на ремнях через плечи. В комплект одежды входили штаны, заправленные, видимо, в мягкие сапоги, голенища которых поддерживались специальными ремнями. Головные уборы воинов – обычно шлемы полусферической формы (их разновидности выделены С.А. Плетневой).

Среди каменных изваяний стоящих фигур есть много женщин (по мнению Плетневой – жен воинов, которые могли принимать участие и в ратных делах). Их костюм отличают сложные головные уборы с тремя лопастями в наспинной части и рогообразные прически, а также украшения – гривны и ожерелья, серьги, возможно, браслеты.

Женская одежда в целом подобна мужской – это рубаха, кафтан, распашная юбка, штаны, или поножи, сапоги. Однако женский костюм красочнее мужского за счет обильной отделки (вышивка?), украшений, головного убора. На их поясах больше всяких предметов – зеркальца, гребни, мешочки, кисточки и т.д.

Судя по табличам, приложенным к каталогу каменных изваяний в труде С.А. Плетневой, среди женщин гораздо больше, чем среди мужчин, фигур в кафтанах и распашных юбках. Женщин в рубахах с юбками примерно вдвое больше, чем женщин в кафтанах. Есть женские, как и мужские, изваяния только в рубахах или только в кафтанах.

Среди сидящих фигур – представителей чиновной знати, по мнению исследовательницы, также есть и мужчины, и женщины (рис. 3). Их костюм, на первый взгляд, очень похож на костюм военной знати. Но при внимательном рассмотрении его возникают кое-какие сомнения. Так, из-за сидячего положения почти невозможно определить наличие распашных юбок. (Может быть их и нет?) Только наспинные рельефы дают некоторый намек на их существование. На фигурах в сидячем положении отчетливо зафиксированы ремни, подтягивающие поножи и голенища мягких сапог. Хорошо видны облегающие штаны. Как мужчины, так и женщины одеты в рубахи, но, возможно, менее длинные, чем у стоящих фигур, с поясами на талии, аксессуары к которым видны не всегда, оружия не отмечено. Только на одном женском изваянии можно определить кафтан с фестонами на плечах длиной до или даже ниже колен, как у стоящих фигур. У мужских персонажей, по-видимому, также лишь в единственном случае встречается недлинная, как и рубахи, распашная одежда. Женские и мужские головные уборы как у стоящих, так и у сидящих фигур, схожие.

Рис. 4. Женская статуя с ребенком (прорисовка по таблицам С.А. Плетневой)

Итак, знакомство с костюмом половецких каменных изваяний позволило нам установить наличие как в мужском, так и в женском комплексах распашной юбки, носимой поверх верхней одежды. Возможно, этот элемент костюма был свойствен определенной социальной среде – военной, хотя наиболее част он в женском комплексе.

Рассмотренные нами материалы подтверждают правильность наблюдений З.В. Додде, увидевшей в половецком костюме распашные юбки, соотнеся их с киргизскими белдемчи. Этот научный эксперимент обоснован историческим материалом. Белдемчи входят в число элементов костюма народов Средней Азии и Казахстана, объединенных общим этническим компонентом – кипчакским, т.е. предположительно они могли входить в комплекс одежды кипчаков. Распашные юбки обнаружены у половцев. Но половцы – это кипчаки европейских степей. Таким образом, наш умозрительный вывод, о котором говорилось выше, относительно принадлежности кипчакскому костюму распашной юбки, встреченной ныне у киргизов и казахов, подтвердился конкретным примером из глубины веков.

Как мы видели, в более раннем материале древнетюркских каменных изваяний подобной детали одежды не встречено, т.е. она присуща именно кипчакам, хотя родилась, очевидно, не в европейских степях. Киргизско-казахские белдемчи свидетельствуют о том, что распашная юбка была свойственна и восточным группам кипчаков.

Значение этих юбок у половцев-кипчаков утилитарное (утепляющее), как и в наше время. О ритуальной функции и сакральном значении этой одежды, засвидетельствованных этнографическим материалом у киргизов и казахов, половецкие изваяния судить не позволяют, кроме одной женской статуи, обнаруженной в 1971 г.⁴¹ Это сидящая женщина с типичной прической и в типичном головном уборе. Она в одежде с фестонами по плечам, с гривной и ожерельем у ворота, в коротких сапогах. Наличие юбки можно предположить, только глядя на фигуру со спины. Обращает на себя внимание обнаженная грудь, отсутствие шаровар, подчеркнутые половые признаки.

На груди женщины лежит ребенок женского пола (рис. 4). Все указанное нетипично для массового материала. В данной фигуре можно предположить некое божество, покровительницу женщины-матери, продолжательницы рода наподобие Умай или Айысыт тюркских народов (ср. изображение ребенка на терракотах богини плодородия кушанского времени с территории Средней Азии). Белдемчи, как известно, являются принадлежностью женского костюма и надевание их связано со вступлением женщины в детородный период, т.е. в данных примерах усматривается некоторая связь, которая позволяет говорить о ритуальной функции кипчакских юбок, напоминая по смыслу функцию киргизско-казахских белдемчи.

Подводя итог, можно констатировать, что найден исторический прототип киргизско-казахских белдемчи. Это распашная юбка средневековых половцев европейски степей. Таким образом, определена этническая природа белдемчи – кипчакская. Это этноопределяющий признак кипчакского элемента в этногенезе киргизов и казахов. Белдемчи киргизов и казахов в женском варианте донесли до наших дней как черты внешнего оформления распашных юбок половцев-кипчаков (отделка по краям), так и функциональных характеристик (утепляющая и, видимо, обрядовая). В то же время перед нами зримое свидетельство костюма народа, давно сошедшего с исторической арены.

Примечания

¹ См.: Лобачева Н.П. Народная одежда как источник по этногенезу. (К вопросу об этногенетических связях народов Средней Азии и Казахстана) // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. III. Этнография. М., 1991. С. 82–89.

² Там же. С. 89–90.

³ Антипина К.И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962. С. 241–244; Махова Е.И. Материальная культура киргизов, как источник для изучения их этногенеза // Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Вып. III. Фрунзе, 1959. С. 57–58; *ее же*. Некоторые элементы киргизского национального костюма // Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С. 206–207.

⁴ Шибаева Ю.А. Материалы по одежде мургабских киргизов // Краткие сообщ. Ин-та этнографии. 1956. Вып. 25. С. 35, 36.

⁵ Сазонова М.В. Женский костюм узбеков Хорезма // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989. С. 100.

⁶ См. Лобачева Н.П. Различные обрядовые комплексы в свадебном церемониале народов Средней Азии и Казахстана // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 304, 307, 310, 327; Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 85 и др.

⁷ Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Казахская национальная одежда. XIX – начало XX в. Алма-Ата, 1964. С. 98–102 и др.; Материалы о казахской одежде // Архив «Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана». Отдел Средней Азии и Казахстана Ин-та этнологии и антропологии РАН.

⁸ Указатель русской этнографической выставки, устроенной Обществом любителей естествознания, состоящим при Императорском Московском университете. М., 1867. С. 24.

⁹ Катанаев Г.Е. Прииртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их домашней и хозяйственной обстановке // Зап. Западно-Сибирского отделения Русского географического общества. Кн. XV. Вып. 2. 1893. С. 28.

¹⁰ Потанин Г.Н. Тангуты-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. М., 1950. С. 558.

¹¹ Антипина К.И. Указ. раб. С. 244, текст и примеч.

¹² См. тома из серии «Народы мира»: Народы Юго-Восточной Азии. М., 1966; Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965.

¹³ Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 212 и сл.; Народы зарубежной Европы. Т. I. М., 1964. С. 645–646 и др.

¹⁴ Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984. С. 44–45.

¹⁵ Народы Восточной Азии. С. 264.

¹⁶ Равдоникас Т.Д. Об одной детали военного костюма кабардинских феодалов XVIII в. // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Л., 1981. С. 15–16.

¹⁷ Le Coq A. von. Chotscho. В., 1919. Pl. 22, 28.

¹⁸ Белицер В.Н. Народная одежда мордвы. М., 1973. С. 94 и сл.

¹⁹ Народы Восточной Азии. С. 665.

²⁰ Hansen H.H. Mongol costumes. Kobenbrack Nationalmuseets Skrifter Etnografick Roekke. III. Kobenhavn, 1950. S. 87.

²¹ Додэ З.В. Средневековый костюм народов Центрального Предкавказья как источник по истории региона в VII–XIV вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. С. 9.

²² Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961. С. 59–66.

²³ Естюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Матер. и исследования по археологии СССР. 24. Т. I. М., 1952. С. 105.

²⁴ Естюхова Л.А. Указ. раб. С. 103. Рис. 57.

²⁵ См.: Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы. М., 1961. С. 118–119. Рис. 116.

²⁶ См.: Лобачева Н.П. Народная одежда как источник... С. 89–90.

²⁷ Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М., 1966. Приложения.

²⁸ Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975. С. 34–35.

²⁹ Шер Я.А. Указ. раб. С. 57.

³⁰ Наршахи М. История Бухары. Ташкент, 1897. С. 15.

³¹ См.: Восточная миниатюра. Ташкент, 1980. Табл. 32, 36.

³² Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд. (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 1982. С. 65.

³³ Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. М., 1974.

³⁴ Там же. С. 76.

³⁵ Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976. С. 95.

³⁶ Там же. С. 92.

³⁷ Там же. С. 90.

³⁸ Плетнева С.А. Указ. раб. С. 75.

³⁹ Там же. С. 34 и сл.

⁴⁰ См. Белицер В.Н. Указ. раб. С. 48 и др.

⁴¹ Плетнева С.А. Указ. раб. С. 74, а также Каталог половецких каменных изваяний. № 818.

N.P. Lobacheva. On the history of the Central Asian costume: Kirghizian beldemchi

Beldemchi is one of the elements of the traditional women's costume of the peoples of Central Asia and Kazakhstan. Beldemchi has a Kypchak origin and this fact gives one more evidence to the ethnogenesis of Kirghiz and Kazakhs.